

- ★ Бросок в бессмертие.
Подвиг Матросова
- ★ Трагедия у мыса Сарыч
- ★ Гибель «Сванетии»
- ★ Последний рейс
«Армении»
- ★ В прорыв идут
штрафные батальоны...
- ★ «Черный день»
Черноморского флота

- ★ Загадочное
происшествие на
Карском море.
Гибель транспорта
«Марина Раскова»
- ★ Враг Гитлера номер один

НЕИЗВЕСТНАЯ ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ

НИКОЛАЙ НЕПОМНЯЩИЙ

Николай Николаевич Непомнящий

Неизвестная Великая Отечественная

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6707054

Николай Непомнящий, Неизвестная Великая Отечественная: Центрполиграф; Москва; 2014

ISBN 978-5-227-05081-6

Аннотация

Великая Отечественная война – одно из тех исторических событий, память о которых не стирается со временем. Все больше времени проходит со страшного июня 1941 и победного мая 1945 года. Все меньше среди нас победителей в этой войне. Однако память о событиях более чем семидесятилетней давности никуда не ушла; она остается с нами, порождая ожесточенные споры, влияя на общественные настроения и даже на международную политику.

Содержание

Над блокадным Ленинградом	5
На подступах к Ленинграду	7
Фронтовые будни	8
Операция «Айсштосс» сорвана!	10
Против диверсантов	11
Морской отряд аэростатов заграждения	12
Аэростаты на Дороге жизни. Защита Колпина	13
Лейтенант Кузнецов в воздухе!	14
У войны не женское лицо	15
Снова бои после блокады	17
Трагедия у мыса Сарыч	19
Особый режим плавания	21
Последнее плавание	22
Катастрофа	24
Отсутствие состава преступления	25
Гибель «Сванетии»	26
По законам войны	28
Последний парад	30
Страх лишил людей разума...	31
Последний рейс «Армении»	34
Их топили первыми	35
Трагедия на суше	37
Трагедия на море	39
Сокровища рейха на затонувшей субмарине?	41
Ржевская мясорубка	45
В прорыв идут штрафные батальоны...	47
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Николай Непомнящий

Неизвестная Великая Отечественная

Над блокадным Ленинградом

1

Ожидая и предвидя войну, еще в 1930–1935 годах советское правительство приняло ряд решений об укреплении и модернизации всей системы войск противовоздушной обороны, то есть истребительной авиации, защитной артиллерии (ЗА), аэростатов заграждения (АЗ) и других средств. Так, к лету 1941 года по западной границе было сформировано 6 полков АЗ и 10 дивизионов АЗ.

Однако промышленность страны не успела обеспечить их техникой, и они были вооружены только на 40 процентов. Если планировалось иметь в войсках около 2 тысяч постов АЗ, то реально развернуться могли только 850. Это не было исключением, примерно такая же обстановка была и в зенитной артиллерии, и в истребительной авиации. Полк назывался полком, но огневых средств имел только половину.

На наших границах перед войной гитлеровский вермахт сосредоточил 190 дивизий численностью 5,5 миллиона человек, 3712 танков, около 5 тысяч самолетов, 47 260 орудий и минометов. Он превосходил наши силы по личному составу в 1,8 раза, по танкам – в 1,5 раза, по самолетам – в 3,2 раза, по артиллерии – в 1,2 раза, при этом на направлениях главного удара превосходство было еще больше.

Серьезность положения была более чем очевидна. Однако боязнь разозлить Гитлера и спровоцировать его на нападение привела в предвоенные месяцы к инертности. Сталинское руководство опасалось начинать выдвижение полевых войск на границу, боялось объявить мобилизацию. И оно несет ответственность за многие первые потери и за потерю... предвидения.

Достаточно привести текст закрытой телеграммы, поступившей в военные округа во втором часу ночи 22 июня 1941 года. Вот ее текст-шифrogramма:

«1. В течение 22–23 июня 1941 года возможно нападение немцев на фронтах ЛВО, Приб. ВО, Зап. ВО, КО ВО (Киевский Особый), Од. ВО, нападение может начаться с провокационных действий.

2. Задача наших войск не ввязываться в провокации, которые могут вызвать крупные осложнения. Одновременно войскам ЛВО, Приб. ВО, Зап. ВО, КО ВО, Од. ВО быть в полной боевой готовности встретить возможный удар немцев или их союзников.

ПРИКАЗЫВАЮ:

а) в течение ночи на 22.06.1941 скрытно занять огневые точки укрепленных районов на государственной границе;

б) перед рассветом 22.06.1941 рассредоточить по полевым аэродромам всю авиацию, в том числе и войсковую, тщательно ее замаскировать;

в) все части привести в боевую готовность. Войска держать рассредоточенно и замаскированно;

¹ Эта глава создана по воспоминаниям Александра Бернштейна, ветерана воздухоплавания, участника Великой Отечественной войны, главного инженера полка аэростатов заграждения, о воздушных боях над Ленинградом. И еще о том, что своих самолетов, сбитых при столкновении с тросовым заграждением, оказалось больше, чем фашистских, чего вообще не должно было быть. Не так давно материалы, о которых идет речь, были секретными...

- г) ПВО привести в боевую готовность без дополнительного подъема приписного состава. Подготовить мероприятие по затемнению городов и объектов;
- д) никаких других мероприятий, без особого распоряжения, не проводить».

И подписи наших кумиров: нарком обороны – маршал Советского Союза Тимошенко, начальник Генштаба – генерал армии Жуков.

А через два часа немцы ударили всей мощью огня, уничтожив на наших аэродромах около 1200 самолетов, бомбили Гродно, Киев, Минск, Одессу и другие города. Семь дивизионов АЗ из десяти по западной границе в течение суток были утрачены.

Так 22 июня 1941 года началась война, о которой правительство СССР объявило днем 23 июня.

На подступах к Ленинграду

В гитлеровском плане под кодовым названием «Барбаросса» Ленинграду отводилось особое место, городу было уготовлено полное разрушение: «...сровнять с землей, а территорию, севернее р. Невы, передать Финляндии. Ленинграду придется умереть голодной смертью...» Таковы были планы Гитлера, объявленные им и поддержанные всей Германией.

Против Ленинграда была подготовлена огромная армия «Север» (42 наземные дивизии, 1500 танков). Подавить город с воздуха должна была авиация в составе 2 тысяч самолетов, половина из которых – бомбардировщики.

Противовоздушную оборону (ПВО) Ленинграда обеспечивали: 2-й корпус ПВО в составе шести зенитных артиллерийских полков, одного зенитного пулеметного полка, трех полков аэростатов заграждения и формирующегося авиационного корпуса и вспомогательных частей.

Ленинградские части ПВО имели уже немалый опыт организации, полученный ими в период войны СССР с Финляндией в 1939 году, правда, Финляндия не предпринимала никаких попыток воздушного нападения на Ленинград. Однако войска 2-го корпуса ПВО были развернуты тогда на позициях, а аэростаты заграждения периодически поднимались в ночное небо.

В период войны с Финляндией было два полка – 3-й и 4-й полки АЗ. В начале 1941 года был сформирован еще один – 11-й полк АЗ.

Фронтовые будни

В первый день войны я получил назначение главным инженером 4-го полка АЗ, входившего в состав 2-го корпуса ПВО; мне, москвичу, было суждено пройти весь путь боевых действий в Ленинградской блокаде.

Три полка АЗ развернули 328 постов, прикрывая в воздухе город и подходы к нему и Кронштадту со стороны Финского залива. В ходе войны отдельные отряды прикрывали с воздуха и стратегические узлы под Ленинградом.

Фашистские бомбардировщики в минувшей войне, не имея еще тогда самонаводящихся бомб и торпед для разрушения целей, стремились наносить прицельные удары пикированием самолетов или налетом на малых высотах. Это обеспечивало им внезапность и точность ударов и наибольшую собственную сохранность от нашего ответного огня.

Противодействием этому и служили аэростаты заграждения, поднимавшие на высоту 3000–4500 метров тросовоинную завесу, угрожавшую при столкновении с ней гибелью вражеских бомбардировщиков. Поэтому почти весь период войны фашистская бомбардировочная авиация вынужденно совершала налеты на город и бомбардировки непрямо с высоты более поднятых аэростатов, то есть с высоты 5–7 квадратных метров, при этом нужно было вынужденно сокращать массу бомбового груза, лишая себя точности бомбометания по назначенным целям.

Подъем каждого аэростата производился с поста, его готовил расчет из 12 красноармейцев под командой сержанта. Каждый полк имел в среднем около 100 боеготовных постов, защищая территорию около 100 квадратных метров. Значительная часть боевой службы расчетов шла под артиллерийским огнем противника и его высотными бомбардировочными налетами.

Так, 8 сентября 1941 года, в день блокирования города, на него с большой высоты было сброшено 6327 зажигательных бомб, вызвавших много пожаров. 19 сентября на город с большой высоты были сброшены 264 бомбардировщиками фугасные бомбы.

Вообще за период блокады на город было брошено 150 тысяч артиллерийских снарядов и с высоты более 5 километров – 107 тысяч фугасных и зажигательных бомб.

Привожу эти официальные сведения, чтобы пояснить, в каких сложных, трудных условиях шла эксплуатация аэростатов, наполненных легковоспламеняющимся водородом. Корпуса многих имели десятки пробоин и снова вводились в строй после ремонта на постах. Нас пытались «добить». Осенью – зимой 1941/42 года налеты 100 и более самолетов происходили еженощно. Тревоги длились по 8–12 часов.

Вместе с горожанами воины частей АЗ перенесли трагическую первую блокадную зиму с 1941 на 1942 год, когда в городе за сутки умирало от голода и холода до 4 тысяч жителей и у оставшихся не хватало сил хоронить умерших. У наших бойцов от недоедания в тот же период (основная еда составляла 125 граммов хлеба и 75 граммов сухарей) опухали руки и ноги, но они несли службу при 30-градусном морозе.

Подсчитано, что за период Великой Отечественной войны ленинградские полки истребительной авиации, зенитной артиллерии, прожекторных частей, аэростатов заграждения в полном взаимодействии уничтожили 1561 вражеский самолет, а более 75 процентов атаковавших бомбардировщиков не были пропущены в воздушное пространство над городом.

Современное поколение мало знает о применении фашистской Германией крылатых ракет (самолето-снарядов) Фау-1 в 1943–1944 годах против Англии, нанесших серьезный урон Лондону. Осенью 1944 года войска вермахта, отступая, начали готовить операцию с Фау-1 для Ленинграда.

Полки АЗ, как и все полки ПВО, перестроив боевые полки и тактику, выйдя на дальние рубежи, сорвали этот чудовищный план, и противник был вынужден отказаться от этой акции.

Но больше всего всем воинам частей АЗ запомнился срыв нашими войсками ПВО немецкой фашистской воздушной операции «Айсштосс». Эта операция – в переводе «Ледовый удар» – предназначалась для уничтожения кораблей Балтфлота, сосредоточенных в первую блокадную зиму непосредственно в городе на Неве и у пирсов Финского залива в городской черте. Корабли вмерзли в лед и не имели маневра. Как потом стало известно, эта операция, утвержденная вермахтом, была глубоко законспирирована, обеспечена разведданными и предварительно проиграна на своих полигонах. Немцы считали, что после тяжелой первой блокадной зимы силы ПВО не смогут оказать сопротивление и наш флот будет разгромлен.

Налет 100 немецких бомбардировщиков Ю-88 и Хе-111 в сопровождении истребителей прикрытия был совершен почти внезапно, днем на небольшой высоте. Ранее немецкая авиация опасалась проводить бомбардировочные налеты в светлое время суток.

Вместе с тем, чтобы блокировать взлет наших истребителей, дальнобойная артиллерия противника сосредоточила огонь по нашим аэродромам. Однако уже на подлете их встретила огнем наша зенитная артиллерия и отдельные силы истребителей, часть стервятников была рассеяна, но в город прорвалось 57 бомбардировщиков. Разойдясь по заранее намеченным целям, то есть по нашим кораблям флота, они начали пикирование и прицельное бомбометание. Флотские экипажи ответили огнем пулеметов. Над городом кипел шквал огня АЗ и зенитных пулеметов, однако из-за малой высоты налета и больших скоростей самолетов противника ликвидировать их преимущественно не удавалось. Истребители в зону огня ЗА войти не могли, а зенитная артиллерия не могла вести точную огневую стрельбу на поражение из-за больших угловых скоростей пролета на малой высоте.

Операция «Айсштосс» сорвана!

Положение резко изменил руководивший боем с вышки командующий нашей армии генерал-майор Г.С. Зашихин. Он приказал:

– Поднять аэростаты!

Приказ выполнен. Быстро поднимающиеся аэростаты отжали самолеты противника от земли на высоту, где они оказались в ловушке! Сбрасывая уже без прицеливания бомбовый груз, который частично упал в Неву и залив, фашистские самолеты стали метаться и выходить из боя, но тут их и встретили наши истребители.

В итоге, не нанеся существенных потерь нашим кораблям, фашисты потеряли 25 стервятников, не считая 10 подбитых, подтвердив наше четкое взаимодействие видов оружия войск ПВО.

Это было 4 апреля 1942 года в 18.00. В эти сутки я был дежурным на командном пункте армии ПВО по подъему аэростатов. Все это осталось в памяти.

Немало подвигов совершили красноармейцы, сержанты и офицеры наших частей АЗ при подготовке аэростатов к подъему.

Против диверсантов

Наиболее мощные бомбардировки города немцы проводили осенью 1941 и весной 1942 года. Характерно, что, как только противник прорывался в воздушное пространство над городом, – а это было, как правило, всю ночь, – в небо Ленинграда взлетали ракеты. Они не только демаскировали затемненный город, но и давали целенаправление на бомбежку. Как правило, многие ракеты направлялись в сторону Зимнего дворца, где был штаб фронта, в Смольный, где было сосредоточено партийное и государственное руководство, на крупнейшие заводы, в гавани, сосредоточение кораблей Балтийского флота, на тыловые склады и т. д. Это были диверсанты!

В городе, особенно на окраинах, было немало брошенных домов и пустых подвалов, их и использовали диверсанты для захвата одиночных военнослужащих, там они и производили свои допросы. Для борьбы с этим существовали патрули, ежедневно менялись условные знаки на наших фронтовых пропусках. Хождение с позиций на позиции в ночное время в одиночку запрещалось и т. д.

Не ограничиваясь этим, наши офицеры неоднократно осенью 1941 года с командой стрелков ночью прочесывали участки для поиска диверсантов. Однако главный урон диверсантам принес голод Ленинградской блокады. Будучи отрезаны от своих пунктов питания, большинство их, попросту говоря, подошли с голоду. И тем не менее они еще были, даже в 1944 году пробравшийся на один пост 3-го полка АЗ диверсант уничтожил весь боевой расчет поста, перестреляв его ночью из автомата во время сна в землянке.

Морской отряд аэростатов заграждения

Большинство наших отрядов находилось на стационарных наземных позициях, но приходилось аэростатчикам воевать и в иных условиях.

Отряд аэростатов заграждения под командованием лейтенанта В.А. Меншутина, 31 пост, был размещен на 31 барже. Баржи были выведены в Финский залив и расставлены там на якорях. Поднимаемые с них аэростаты заграждения прикрывали гавань и порты со стороны залива, прикрывали воздушные подходы к морскому каналу и частично к Кронштадту. Ответственность командиров постов и звеньев была здесь, как говорят, тройная. Связь с отрядом осуществлялась только по радиисвязи с КП звена. Баржи иногда срывало с якоря и несло в сторону противника. Выручали моряки, которые выходили в залив и под артиллерийским обстрелом противника буксировали баржу обратно. Зимой по льду проникали диверсионные немецкие и финские группы, и только высокая бдительность спасала от уничтожения боевого расчета и материальной части. Когда залив не был покрыт льдом, противник с попутной волной пускал плавающие мины, которые взрывались при столкновении с баржей. И тут аэростатчикам пришлось учиться, как от них уберечься. Хорошие стрелки расстреливали мины из винтовок. Особенно этим отличался меткий снайперский стрелок-аэростатчик сержант Козлов. В отряде, которым командовали лейтенант В.А. Меншутин и его заместитель политрук Л. Хавкин, были стойкие и надежные сержанты, часть из которых к концу войны стали командирами звеньев – офицерами. Я хорошо знал толковых и мужественных людей В. Меншутина и Л. Хавкина, неоднократно бывал у них на позициях на баржах и как инженер, понимая их оторванность от полка, старался в первую очередь помочь их отряду в вопросах эксплуатации и боевого применения.

Аэростаты на Дороге жизни. Защита Колпина

Огромное значение для блокадного Ленинграда имела Дорога жизни через Ладожское озеро. Это была единственная артерия, питающая город. Ее деятельность все время пыталась парализовать фашистская авиация налетами и бомбежками. Только с ноября 1941 по апрель 1942 года над Ладожской дорогой пролетело более 2 тысяч самолетов противника. Из состава армии ПВО на Ладожскую трассу для ее защиты в дополнение к имеющимся средствам был выделен отряд аэростатов заграждения в 21 пост. Условия были трудные, весь зимний период люди жили в палатках на трескучем морозе. Аэростаты поднимались в воздух прямо с ледяного поля. Поднятые аэростаты были расположены вдоль всей трассы. На ледовой дороге аэростатчики делали все, что возможно, чтобы Дорога жизни работала бесперебойно. Мужественно вел себя и 3-й отряд 3-го полка АЗ, прикрывавший от бомбежек Ижорские заводы в Колпине, под Ленинградом. Отряд находился в прямой близости (1–2 километра) от передовой. Аэростатные позиции простреливались противником из минометов, аэростаты получали огромное количество пробоин, но всегда восстанавливались и поднимались в воздух. За полгода в отряде одна треть бойцов была убита или тяжело ранена. В мае 1942 года в течение суток отряд был переброшен на оборону 5-й гидроэлектростанции. Это была единственная уцелевшая станция, питавшая город электротоком, поэтому противник принимал все меры к ее уничтожению. Выполняя приказ, 3-й отряд развернул свои позиции по площади «воронки бомбометания» вокруг 5-й ГЭС. Вместе с батареями зенитной артиллерии и истребительной авиацией была организована мощная оборона, которая обеспечила сохранность 5-й ГЭС. Командир отряда С. Мазуров – опытный и грамотный офицер, я знал его с 1935 года – к концу войны уже командовал дивизионом АЗ.

Лейтенант Кузнецов в воздухе!

Трагичных случаев гибели аэростатчиков у нас было немало, но об одной из этих драматических историй я поведаю. В августе 1942 года в 3-м полку АЗ при аварийном приземлении в момент, когда аэростат притягивали к земле вручную, боевой расчет не мог удержать рвущийся вверх аэростат. Находившийся на посту командир звена лейтенант Кузнецов бросился на помощь расчету. Аэростат взмыл вверх, унося с собой висящего на стропе офицера. Был штиль, и, набрав высоту около 3,5 километра, аэростат завис на месте. Мы навели с КП полка зенитный теодолит, было уже достаточно светло, мы видели, как лейтенант Кузнецов боролся за спасение аэростата и за свою жизнь. Физически сильный, спортсмен, он, подтягиваясь на руках, поднялся и закрепился у самого корпуса. Положение его усугублялось и тем, что он был в летней гимнастерке, а на этой высоте температура была около 10 градусов ниже нуля. Ему удалось пробить ножом корпус аэростата. Аэростат с потерей газа стал спускаться вниз и опустился в Неву. Но Нева в этом месте была не только водоразделом, но и линией фронта: на одной стороне были наши, на другой – оккупанты. Испытавший судьбу в поднебесье, имея, наверное, один шанс из тысячи, проявивший стойкое мужество, спасший материальную часть и себя, аэростатчик-комсомолец лейтенант Алексей Кузнецов до берега не доплыл. Его убили с вражеского берега пулеметным огнем. Аэростат прибило ветром по воде к нашей стороне Невы.

У войны не женское лицо

Части ПВО дважды передавали своих рядовых, сержантов и офицеров в стрелковые части, ибо там убыль личного состава была больше, чем у нас. Направили командовать стрелковой бригадой командира 3-го полка АЗ полковника С. Умнова; в самое трудное время он погиб там в штыковом бою, преграждая с бойцами путь к Ленинграду в сентябре 1941 года.

Лейтенант Евгений Туволович погиб, командуя партизанским отрядом. Он был аэростатчиком.

Опустевшими наши позиции не были. Их заполнили девушки-добровольцы, которые после обучения здесь, прямо на фронте, смогли стать полноценными аэростатчицами. Не женский это был труд. Говорят – у войны не женское лицо... Да, это так. Но долг свой – спасибо им – они выполнили. Были у них горькие минуты прощания с убитыми. Так, летом 1943 года в 7-м отряде 11-го полка АЗ немецкая дальнобойная артиллерия обстреливала район, шло снаряжение аэростатов к подъему. Прямым попаданием по посту из 12 бойцов (девущек) 8 было убито. Эту горькую картину я видел, когда прибыл туда вместе с командиром полка подполковником С. Лукьяновым.

Летом 1942 года попал в госпиталь и я. Сбило с ног, контузило и ранило в ногу – обрыв сухожилий – разорвавшимся рядом снарядом. В рану попала земля, противостолбнячный укол сделали поздно, и через два дня с раздутым и почерневшим коленом я был доставлен в эвакуогоспиталь № 1171. Госпиталь занимал помещение, где ранее было какое-то учебное заведение. В каждой палате было примерно по 20 коек. Офицеры в палате находились все с тяжелыми ранениями. Рядом лежал неподвижный, очень сильно обгоревший танкист, с другой стороны сапер с оторванными кистями рук, покалечены были и другие товарищи. При первичном осмотре хирургом, стесняясь своего ранения, я оптимистически сказал ему, что, наверное, через пять дней выпишусь. Врач оптимизмом не обладал и разъяснил: «Это – колено. Вскрывать его сложно, а сухожилия срастим»... Пенициллина тогда на фронте не было, а налицо была развивающаяся гангрена. Нужно было лежать с мазью Вишневского. «Если организм крепкий, – сказал врач, – бог даст, он все преодолет и все рассосется, но дело серьезное и может кончиться ампутацией ноги». Мой оптимизм как ветром сдуло. Выходит, как в известной книге Ильфа и Петрова: «Спасение утопающих – дело рук самих утопающих...» В палате было темновато, вместо выбитых стекол окна защиты фанерой и досками. Во время бомбежек и артобстрелов ходячим приказывали спускаться в бомбоубежище (подвал). Спускался в бомбоубежище на костылях и я, но не всегда: надоело крепко, к обстрелам и бомбежкам давно привык, а «чему быть, того не миновать». В госпитале находился мой друг и старый товарищ – аэростатчик старший лейтенант В. Афанасьев. Он уже лежал с загипсованной ногой (сложный перелом ноги в двух местах, в блокадных условиях не срастался). Весной 1943 года его эвакуировали самолетом на Большую землю, где его нога срасталась, хотя стала заметно короче. Блокада Ленинграда оставила ему еще одну память: в конце 1945 года обнаружилось легочное заболевание, и он перенес две операции на легких. В. Афанасьев излечился и остался кадровым офицером в строю, однако запаса сил не хватило, и он рано ушел из жизни.

У меня в госпитале, слава богу, все обошлось. Хирург, конечно, рисковал моей ногой: если бы гангренозное воспаление не прошло, то дело могло дойти до ампутации, но хирург также понимал, что вскрытие колена могло привести к инвалидности. Риск оправдался в лучшую сторону. Через месяц я выписался из госпиталя (сначала с костылем) и вернулся в часть, как в родной дом. Не по-книжному, а на деле убедился, что первая забота солдата,